

Но внезапно он понял — здесь скрипач ни при чем, это горю не хочет его отпускать.

Он повернулся и быстро пошел прочь.

Только выйдя на набережную, он замедлил шаги. Опускались холодные осенние сумерки, в воздухе плыли снежинки, и они тихо покачивались, словно танцуя под звуки скрипки, и садлись на неподвижную воду, пропадаая в ее черноте.

Поэт шел не спеша, и из темных окон пустого дома доносилась знакомая ему мелодия:

И не звезды южных морей,
И не южного неба синь —
В золотых когтях якорей
Синева ледяных трясин.

Стансы к разбившейся чернильнице

Прошай, последняя в ряду,
К кому испытываю жалость,
Поскольку больше не найду
Среди того, что удержалось
Вокруг меня на шатком льду
Существованья. Обветшалость,

Казня империи, стекла
Не истончила вгихомолку,
Но ты, заполнив, как могла,
Предназначавшуюся полку,
Переместилась в край угла
И угодила под метелку.

Тебя оплакала душа,
С которой голосом привычки,
Молчанье вещи разреши,
Ты говорила. Пламя спички,
Флакон, брусок карандаша
Ответят: «Я!» — на переключке.

Но, совершая самосуд,
И о тебе не позабыли
Метаморфозы, что несут
К небытию. Не ради пыли
В огне сработанный сосуд,
Моя чернильница, не ты ли

В эпоху птичьего пера
Со всей прозрачностью хранила
Пример слияния добра
И зла, а именно — чернила.
Иных спасла от топора,
Обожествляла и чернила,

А мне досталась восемь лет
Тому назад. Душой подарка
Являлась дружба. Больше нет
Тебя, а вспыхнувшая ярко
Былая дружба в тусклый свет
Преобразилась. Свет огарка.

О талисман, даривший мне
Лорыв к единственному благу!
Хоть пыль в стеклянной глубине
Сменила избранную влагу
И на твоём не черпал дне
Я вдохновенье и отвагу, —

Ты заверять умела в том,
Что сердцу дороги два брата
И с ними здравствующий дом,
Которым прошлое объято,
Хоть неизменным чередом
Все отдаляется когда-то.

Но в перемене, как в ночи,
Ведут знакомыми следами
Твои последние лучи.
Быть может, новыми плодами,
Как вспышка гаснущей свечи,
Они откликнутся с годами.

* * *

А берег памятного Крыма
Срезает теплая волна,
Ее лазурь неолима,
И растрепавшего дыма
Полоска вдаль отнесена.
И южных крон шагры и кубки
Над синевою полуколыда
Для отдалившейся скорлупки
Исчезли в мареве Алупки
Быстрой туманного дворца...

* * *

Я сам себя не знаю до конца,
Актерствуя в невыдуманном гриме,
Пожизненно враждуют два лица
И оба называются моими,
Гонимые к пределу бытия,
Откуда, не задетое раздором,
Их двойственность пронизывает Я
Свободным и всеведающим взором.